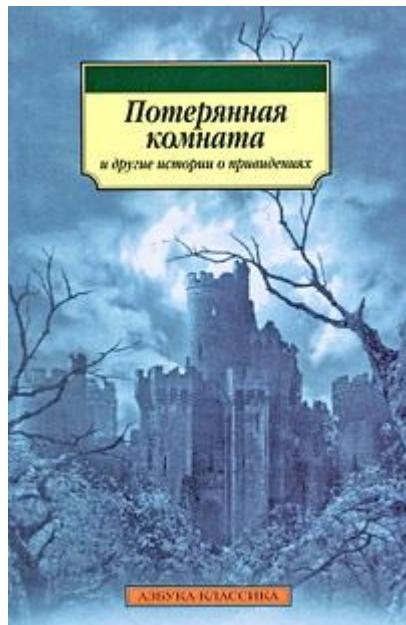

Монтегю Родс Джеймс Граф Магнус

Монтегю Родс Джеймс ГРАФ МАГНУС

Как попали в мои руки бумаги, из которых я вывел связный рассказ, читатель узнает в самую последнюю очередь. Однако мои выписки необходимо предварить сообщением о том, какого рода эти бумаги.

Итак, они представляют собой отчасти материалы для книги путешествий, какие во множестве выходили в сороковые и пятидесятые годы. Прекрасным образцом литературы, о которой я веду речь, служит «Дневник пребывания в Ютландии и на Датских островах» Хораса Марриэта¹. Обычно в этих книгах рассказывалось о каком-нибудь неизведенном месте на континенте. Они украшались гравюрами на дереве и на стальных пластинах. Они сообщали подробности о гостиничном номере и дорогах, каковые сведения мы теперь скорее найдем в любом хорошем путеводителе, и основное место в них отводилось записям бесед с умными иностранцами, колоритными трактирщиками и общительными крестьянами. Словом, это были книги-собеседники.

Начатые с целью доставить материал для такой книги, попавшие ко мне бумаги постепенно приняли форму отчета о единственном, коснувшемся только одного человека испытании, к завершению которого и подводил этот отчет.

Пишувшим был некто мистер Рексолл². Я знаю о нем ровно столько, сколько позволяют узнать его собственные записи, и из них я заключаю, что это был пожилой человек с некоторым состоянием и один-одинешенек на целом свете. Своего угла в Англии у него,

¹ *Хорас Марриэт* (1818–1887) – английский путешественник, перу которого принадлежат упомянутый Джеймсом «Дневник пребывания в Ютландии, на Датских островах и в Копенгагене» (1860) и «Один год в Швеции, включая посещение острова Готланд» (1862).

² *Рексолл*. – Фамилия главного героя рассказа, возможно, заимствована у баронета сэра Натаниэля Уильяма Рексолла (1751–1831), путешественника и мемуариста, бывшего некогда доверенным лицом датских дворян – сторонников лишившейся в 1772 г. престола королевы Дании и Норвегии Каролины Матильды.

похоже, не было, он скитался по гостиницам и пансионам. Он, возможно, предполагал когда-нибудь обосноваться на одном месте, но так и не успел; сдается мне, пожар на мебельном складе «Пантекникон» в начале семидесятых годов³ уничтожил многое из того, что могло пролить свет на его прошлое, поскольку он раз-другой поминает имущество, сданное туда на хранение.

Выясняется также, что мистер Рексолл в свое время опубликовал книгу о вакациях в Бретани. Ничего более об этом труде я не могу сообщить, поскольку усердный библиографический поиск оставил меня в убеждении, что книга выходила без имени автора либо под псевдонимом.

Нетрудно составить приблизительное представление о его личности. Это был умный и развитый человек, без пяти минут член совета своего колледжа – Брейзноуза⁴, как мне подсказывает оксфордский ежегодник. Безусловно, его искусственной слабостью было излишнее любопытство – в путешественнике, может быть, простительная слабость, однако наш путешественник в итоге дорого заплатил за нее.

Приготовлением к новой книге как раз и было путешествие, ставшее для него последним. Его вниманием завладела Скандинавия, о которой сорок лет назад в Англии знали не очень много. Возможно, он набрел на старые книги по истории Швеции или мемуары и осознал надобность в книге, где странствия по этой стране перемежались бы рассказами про знатные шведские фамилии. Запасшись, как водится, рекомендательными письмами к некоторым шведским аристократам, он отбыл туда в начале лета 1863 года.

Нет нужды пересказывать, как он разъезжал по Северу или несколько недель просидел в Стокгольме. Следует лишь упомянуть о том, что некий тамошний *savant*⁵ навел его на ценный семейный архив, принадлежавший владельцам старого поместья в Вестергётланде⁶, и исхлопотал для него разрешение поработать с документами.

Упомянутое поместье, или *herrgård*, мы здесь назовем Råbäck (по-английски это звучит примерно как «Робек») – в действительности у него другое название⁷. В своем роде это одно из лучших сооружений в стране, и на гравюре 1694 года, помещенной в «*Suecia antiqua et moderna*»⁸ Даленберга⁹, сегодняшний турист признает его сразу. Поместье было построено

³ ...пожар на мебельном складе «Пантекникон» в начале семидесятых годов... – Располагавшийся на Моткомб-стрит возле фешенебельной Бельгрейв-сквер в центре Лондона склад «Пантекникон» площадью около двух акров, на котором хранились и продавались экипажи, мебель, посуда, картины, разнообразная утварь и проч., был почти полностью уничтожен огнем 12 февраля 1872 г.

⁴ *Брейзноуз* – колледж Оксфордского университета, основан в 1509 г.

⁵ Ученый (*фр.*).

⁶ *Вестергётланд* – провинция на юго-западе Швеции.

⁷ Упомянутое поместье... мы здесь назовем *Råbäck* (по-английски это звучит примерно как «Робек»)... – Джеймс использует название реально существующего поместья в Вестергётланде, о посещении которого (во время своей поездки в Швецию) он упоминает в письме родителям от 10 августа 1901 г. Последующие слова автора («в действительности у него другое название»), на первый взгляд, подразумевают, что Робек – название вымышленное; однако английские комментаторы рассказа расценивают эту ремарку как намек на то, что название хотя и не является авторским вымыслом, дается Джеймсом «для отвода глаз» и что на самом деле под именем Робека скрывается иное, не менее реальное поместье, имеющее непосредственное отношение к историческим прототипам графа Магнуса (см. ниже).

⁸ «Швеция древняя и современная» (*лат.*).

⁹ «*Suecia antiqua et moderna*» Даленберга – коллекция гравюр с изображением архитектурных достопримечательностей Швеции, создававшаяся начиная с 1660-х гг. под руководством и при активном участии шведского военачальника и художника Эрика Йонссона, графа Дальберга (1625–1703). Этот

вскоре после 1600 года и в рассуждении материала близко тогдашнему домостроительству в Англии: красный кирпич, облицованный камнем. Воздвиг его отпрыск знатного рода Делагарди, чьи потомки и поныне владеют им¹⁰. Когда случится говорить о них, я так и буду их называть: Делагарди.

Мистера Рексолла они приняли уважительно и тепло и настаивали, чтобы он жил у них, пока будут продолжаться его занятия. Оберегая свою независимость и стесняясь плохо говорить по-шведски, он, однако, обосновался в деревенской гостинице, и житье там оказалось вполне сносным, во всяком случае в летнюю пору. Такое решение повлекло за собой ежедневные прогулки в усадьбу и обратно – это меньше мили. Сам дом стоял в парке, укрытый или, лучше сказать, теснитый громадными вековыми деревьями. Неподалеку, за стеной, раскинулся сад, дальше вы попадали в густую рощу, за ней сразу озерцо, какими изобилует тот край¹¹. Там уже начиналась пограничная стена, вы взбирались по крутому холму, кремнистую кручу чуть покрывала земля, и на самой вершине стояла церковь в окружении высоких темных деревьев. На взгляд англичанина, это было курьезное сооружение. Низкие неф и приделы, много скамей, хоры. На западных хорах стоял старый, пестро раскрашенный орган с серебряными трубами. На плоском потолке церкви художник семнадцатого столетия изобразил причудливо-кошмарный Страшный суд, смешав в одно языки пламени, рушащиеся города, горящие корабли, стенающие души и смуглых скалящихся чертей. С потолка свисали красивые бронзовые паникадила; кафедру, как кукольный домик, покрывали резные раскрашенные фигурки херувимов и святых; к аналою крепилась подставка с тройкой песочных часов. Подобное убранство вы увидите во множестве шведских церквей, только эта церковь выделялась пристройкой к основному зданию. У восточного края северного придела основатель поместья выстроил для себя и своих родственников мавзолей. Это восьмиугольное здание с круглыми оконцами под куполом, увенчанное неким подобием тыквы, из которого вырастает шпиль, – шведские зодчие обожают эту деталь. Купол снаружи медный и выкрашен черной краской, а стены мавзолея, как и церкви, ослепительно белые¹². Из церкви нет входа в усыпальницу. С

масштабный замысел был завершен уже после его смерти, в 1715 г.; полный вариант собрания, насчитывающий 353 изображения, опубликован в трех томах в 1723 г.

¹⁰ Поместье было построено вскоре после 1600 года... Воздвиг его отпрыск знатного рода Делагарди, чьи потомки и поныне владеют им. – Эти указания позволяют предположить, что за названием «Робек» в действительности скрывается замок – или, точнее, дворец – Ульриксдалль (изначально Якобсдалль) в окрестностях Стокгольма, возведенный в 1640–1644 гг. графом Якобом Понтуссоном Делагарди (1583–1652) – шведским полководцем, который в 1609–1610 гг., в период противостояния Василия Шуйского польской интервенции и силам Лжедмитрия II, командовал шведским военным корпусом в России, а позднее служил наместником Швеции в Ревеле (с 1619 г.), был генерал-губернатором Лифляндии (1622–1628) и членом регентского совета при королеве Кристине в 1632–1644 гг. Гравюра с изображением этого замка действительно присутствует в собрании Дальберга. Вместе с тем Джеймс искусно комбинирует факты и вымысел: после смерти Яакова Делагарди Якобсдалль не остался во владении его семьи, как сказано в тексте «Графа Магнуса», а был приобретен шведской короной и в 1684 г. подарен королевой Гедвигой Элеонорой ее новорожденному внуку принцу Ульрику; год спустя малолетний принц скончался, однако за дворцом закрепилось новое название Ульриксдалль. Джеймс, по-видимому, намекает на название дворца посредством упоминания некоей «Ульрики Леоноры из Робека».

¹¹ Сам дом стоял в парке, укрытый или, лучше сказать, теснитый громадными вековыми деревьями. Неподалеку, за стеной, раскинулся сад, дальше вы попадали в густую рощу, за ней сразу озерцо, какими изобилует этот край. – Это описание согласуется с месторасположением и планировкой Ульриксдалля, возведенного на берегу Эдсвикена (залива озера Эстершён) и окруженного обширным парком с оранжереями, фонтанами, скульптурами и беседками, который в XVII в. считался самым великолепным в Швеции.

¹² ...мавзолей... восьмиугольное здание с круглыми оконцами под куполом, увенчанное неким подобием тыквы, из которой вырастал шпиль... Купол снаружи медный и выкрашен черной краской, а стены мавзолея, как и церкви, ослепительно белые. – Детально точное описание наружного вида усыпальницы Магнуса Делагарди (см. далее) и его жены возле церкви на территории цистерцианского аббатства Варнхем близ

северной стороны у нее есть приступок и своя дверь.

Дорожка мимо кладбища ведет в деревню, и через три-четыре минуты вы у порога гостиницы.

В первый день своего пребывания в Робеке мистер Рексолл нашел дверь церкви открытой и сделал то описание внутреннего убранства, которое я привел здесь. Однако в усыпальницу ему попасть не удалось. В замочную скважину он лишь разглядел прекрасные мраморные изваяния и медные саркофаги с богатым гербовым орнаментом, чрезвычайно раздразнившим его любопытство.

Документы, обнаруженные им в поместье, были как раз того рода, какие требовались для его книги: семейная переписка, дневники, счета прежних владельцев с подробными, разборчивыми записями, с забавными и живописными деталями. Первый Делагарди представлял в них сильной и одаренной личностью. Вскоре после строительства дома в округе настала нищета, крестьяне взбунтовались, напали на несколько замков, что-то пожгли и порушили. Владелец Робека возглавил подавление мятежа, и в записях упоминались суровые кары против зачинщиков, которые он учинил недрогнувшей рукой.

Портрет Магнуса Делагарди¹³ был одним из лучших в доме, и мистер Рексолл изучал его с интересом, не ослабевшим после целого дня работы с бумагами. Он не дает подробного описания, но я догадываюсь, что это лицо подействовало на него скорее силою выражения, нежели правильностью черт либо добродушием; да он и сам пишет, что граф был на редкость безобразен.

В тот день мистер Рексолл ужинал в усадьбе и возвратился к себе хотя и поздно, но еще засветло. «Не забыть спросить церковного сторожа, — пишет он, — не пустит ли он меня в усыпальницу. Он, безусловно, имеет туда доступ; я видел его вечером на ступенях, он, по-видимому, отpirал или запирал дверь».

Я выяснил, что утром следующего дня мистер Рексолл беседовал со своим хозяином. То, что он подробнейше это расписал, сперва меня удивило; потом уже я сообразил, что бумаги, которые я читаю, были, во всяком случае вначале, материалами к задуманной книге, а задумана она была в псевдоочерковом духе, где вполне допустимы диалоги вперемешку с прочим.

Целью мистера Рексолла, как он сам говорит, было выяснить, сохранились ли какие-либо предания о графе Магнусе в связи с его деятельностью и пользовался ли этот господин любовью окружающих или нет. Он убедился в том, что графа определенно не любили. Если арендаторы опаздывали на работы, их драли на «кобыле» либо секли и клеймили во дворе замка. Были один-два случая, когда люди занимали земли, краем заходившие в графские владения, после чего их дома таинственным образом сгорали зимней ночью со всеми домочадцами. Но сильнее всего запало трактирщику Черное Паломничество¹⁴ графа — он заговаривал о нем несколько раз, — откуда тот либо что-то

одноименной деревни, расположенной в 14 км к востоку от упомянутого в рассказе города *Скара*. Джеймс посещал развалины аббатства, церковь и мавзолей в августе 1901 г.

¹³ *Магнус Делагарди*. — Имя и фамилия заглавного героя рассказа заимствованы автором у графа Магнуса Габриэля Делагарди (1622–1686) — шведского военачальника и государственного деятеля, генерал-губернатора Лифляндии (1649–1651), государственного канцлера (1660–1680), известного мецената, немало способствовавшего реставрации дворцов, монастырей, церквей (в том числе церкви в аббатстве Варнхем, рядом с которой находится его усыпальница). Однако, по наблюдениям английских исследователей и комментаторов Джеймса, в образе зловещего графа Магнуса различимы черты не только — и даже не столько — Магнуса Делагарди, но и его отца (вышеупомянутого Яакоба Делагарди, основателя замка Ульриксдаль), а также деда — Понтуса Делагарди (урожд. Понс Скоперье, 1520–1585), француза-наемника, с 1568 г. служившего шведской короне, наместника Швеции в Лифляндии и Ингерманландии.

¹⁴ *Черное Паломничество*. — Ср. аналог этого образа в заметке, опубликованной в «Ежемесячном собрании теологии и всеобщей литературы» в феврале 1815 г.: «Покойный шведский король сделал некогда весьма любопытное заявление. По его словам, он получил от султана дозволение совершить паломничество в Святую

привез, либо вернулся не один.

Вслед за мистером Рексоллом вы, естественно, заинтересуетесь, что такое Черное Паломничество. Однако на сей счет вам придется потерпеть, как терпел и мистер Рексолл. Хозяин был явно не расположен распространяться и даже заикаться на эту тему и, когда его вызвали на минуту, вышел со всей поспешностью, через малое время заглянув в дверь сказать, что его требуют в Скарь и вернется он только вечером.

Так, не удовлетворив своего любопытства, мистер Рексолл отправился в усадьбу разбирать бумаги. Те, что попались ему в тот день, скоро отвлекли его мысли в сторону: это была переписка между Софией Альбертиной из Стокгольма и ее замужней кузиной Ульрикой Леонорой из Робека с 1705 по 1710 год¹⁵. Письма представляли исключительный интерес, давая яркую картину шведской культуры того времени, что подтвердит всякий, кто читал их полное издание в публикациях Шведской комиссии исторических рукописей.

К вечеру он закончил с письмами и, вернув коробку на полку, естественным образом взял несколько ближайших томов, дабы определить, какими он будет заниматься назавтра в первую очередь. На той полке помещались главным образом хозяйственные книги, заполненные первым графом Магнусом. Впрочем, стояла там и книга другого рода – трактаты по алхимии и иным предметам, также написанные почерком шестнадцатого века. Не будучи знатоком подобной литературы, мистер Рексолл, не жалея места, безо всякой нужды выписывает названия и первые строчки этих трактатов: «Книга Феникс», «Книга тридцати слов», «Книга жабы»¹⁶, «Книга Мириам»¹⁷, «Turba philosophorum»¹⁸¹⁹ и тому подобное, а затем столь пространно изъявляет свой восторг, обнаружив на листке в середине тома, первоначально не исписанном, рукою графа Магнуса начертанные слова: «Liber nigrae peregrinationis»²⁰. Правда, там было всего несколько строк, но этого было достаточно, чтобы отнести предание, утром помянутое хозяином, во всяком случае ко временам графа Магнуса,

Землю; во исполнение этого намерения он призывает десять человек – по одному от каждого из народов, населяющих Европу, – сопровождать его; они должны быть облачены в черные одежды, отпустить бороды, именоваться Черными Братьями и иметь при себе слуг в черно-серых ливреях... Черному Братству надлежит собраться в Триесте 24 июня» (Monthly Repository of Theology and General Literature. 1815. Vol. X, № CX. P. 121. – Пер. наш. – С. Антонов).

15 ...переписка между Софией Альбертиной из Стокгольма и ее замужней кузиной Ульрикой Леонорой из Робека с 1705 по 1710 год. – По-видимому, вымышленные персонажи, чьи имена, однако, вызывают ассоциации с реальными историческими личностями – шведской принцессой Софией Альбертиной (1753–1829), ставшей впоследствии настоятельницей Кведлинбургского аббатства, и Ульрикой Элеонорой (1688–1741), младшей сестрой короля Карла XII и королевой Швеции в 1718–1720 гг., соответственно.

16 «Книга Феникс», «Книга тридцати слов», «Книга жабы» – ренессансные рукописные алхимические трактаты, известные Джеймсу, по-видимому, как составителю каталога рукописей Тринити-колледжа Кембриджского университета, первые три тома которого были опубликованы в 1900–1902 гг.

17 «Книга Мириам» – алхимический трактат, приписываемый библейской Мириам, сестре Моисея, со времен греко-египетского гностика и одного из родоначальников европейской алхимии Зосима из Панополиса (IV в.), который цитирует этот труд в своих сочинениях, также сохранившихся фрагментарно.

18 «Ассамблея философов» (лат.).

19 «Turba philosophorum» – анонимный латинский алхимический трактат XII в., предположительно являющийся вольным переложением арабского трактата IX или X в., в свою очередь восходящего к греческим источникам. Впервые напечатан в 1572 г. в Базеле в составе сборника алхимических текстов «Искусство преобразования золота, называемое древними авторами химией, или Ассамблея философов» (переизд. 1593); впоследствии вошел в известный алхимический корпус «Заниматальная химическая библиотека» (1702), составленный Жан-Жаком Манже. Английский перевод Артура Эдварда Уайта появился в 1896 г.

20 «Книга Черного Паломничества» (лат.).

и, возможно, хозяин ему верил. Вот те слова в переводе: «Желающий обрести долгую жизнь да обретет верного гонца и увидит кровь врагов своих, а вперед этого пусть отправится в город Хоразин и поклонится князю...» – тут было подчищено одно слово, но не до конца, и мистер Рексолл был почти уверен, что он правильно читает «aeris» («воздуха»)²¹. Запись обрывалась латинской фразой: «Quaere reliqua hujus materiei inter secretiora» («Прочее об этом смотри в личных бумагах»).

Нельзя отрицать, что все это бросало довольно мрачный свет на вкусы и верования графа; однако в глазах мистера Рексолла, отделенного от него почти тремя столетиями, граф вырастал в еще более яркую фигуру, добавив к своему могуществу знание алхимии и обретя с нею что-то вроде магии²²; и, когда, вдоволь наглядевшись на портрет в холле, мистер Рексолл отправился к себе в гостиницу, его мыслями целиком владел граф Магнус. Он не глядел по сторонам, его не пронимали ни вечерние лесные запахи, ни картины заката на озере, и когда он неожиданно остановился, то он изумился тому, что дошел почти до ворот кладбища и в нескольких минутах пути его ждет обед. Взгляд мистера Рексолла упал на мавзолей.

– А, – сказал он, – вот и вы, граф Магнус. Очень хотелось бы увидеться с вами.

«Как многие одинокие люди, – пишет он, – я имею привычку говорить с самим собою вслух, не ожидая ответа. Естественно и к счастью для меня, в этот раз ни голоса, ни ответа не прозвучало; только женщина, я думаю, прибирающая церковь, уронила на пол что-то металлическое, и от этого звука я вздрогнул. А граф Магнус, я полагаю, спит крепким сном».

В тот же вечер хозяин гостиницы, знавший о желании мистера Рексолла повидаться со служкой, или дьяконом (как он именуется в Швеции), познакомил их у себя. Быстро договорившись осмотреть на следующий день склеп Делагарди, они еще некоторое время беседовали. Памятая, что среди прочего шведские дьяконы готовят конфирмантов²³, мистер

21 «...и поклонится князю...» – тут было подчищено одно слово, но не до конца, и мистер Рексолл был почти уверен, что он правильно читает «aeris» («воздуха»). – Новозаветная аллюзия: в послании апостола Павла ефесянам дьявол назван «князем, господствующим в воздухе» (Еф., 2: 2).

22 ...граф вырастал в еще более яркую фигуру, добавив к своему могуществу знание алхимии и обретя с нею что-то вроде магии... – Эта характеристика связывает заглавного героя не столько с историческим Магнусом Делагарди, сколько с его отцом и дедом. Якоб Делагарди, как полагают историки, серьезно увлекался магией и алхимией; примечательно, что именно ему посвящено мистическое сочинение шведского придворного оккультиста, каббалиста и розенкрейцера, основателя современной научной рунологии Йоханнеса Буреуса (1568–1652) «Воскресшие руны», создававшееся с 1605 по 1643 г. Зловеще-мистическими ассоциациями окружено и имя Понтуса Делагарди, под предводительством которого шведское войско во время Ливонской войны взяло приступом Нарву в сентябре 1581 г., учинив в городе трехдневную резню и лишив жизни около 7000 русских солдат и мирных жителей. Согласно преданию, зафиксированному в «Старинных эстонских народных сказках» (1866) Фридриха Рейнхольда Крейцвальда (1803–1882), по ночам призрак Понтуса покидает свою могилу (см. ниже) и скитаются в окрестностях Таллина, ища того, кто купит у него дубленых кож, выделанных из кожи мертвых солдат; однако покупателей на страшный товар не находится, и дух Делагарди обречен оставаться неупокоенным. Другая, финская легенда рассказана в 1889 г. М. И. Пыляевым: «Когда, несколько сот лет назад, между Швецией и Россией происходила кровавая война, русские постоянно побеждали; неожиданно к шведам прибыл новый полководец Понтус Делагарди. Это был человек необыкновенный и находился втайне связи с духами, при участии которых и стал побеждать русских. Делагарди проходил леса, горы и болота с неимоверною быстротою. Одно имя его приводило в ужас неприятелей. Однажды после побоища Делагарди расположился на отдых, избрав место Красных Сосен. Когда вождь заснул, у него мгновенно выросло на шее огромное дерево. Сильная тяжесть заставила Делагарди проснуться. Хотя ему трудно было сдвинуть с себя чудное дерево, однако он успел сделать это при помощи злого Перкеля <древнефинское божество. – С. Антонов>. Это происшествие Делагарди приписал божескому гневу. Собрав свое войско, он немедленно отправился в дорогу и исчез. С тех пор его никто не видел» (Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1994. С. 96).

23 Конфирманты – в протестантской традиции люди, достигшие церковного совершеннолетия (14–16 лет) и вступающие в церковную общину.

Рексолл решил освежить свои познания в Библии.

— Не скажете ли мне что-нибудь о Хоразине? — спросил он.

Дьякон озадачился, но тут же вспомнил, что место это было проклято.

— Само собой разумеется, — сказал мистер Рексолл, — сейчас городок лежит в руинах?²⁴

— Скорее всего, да, — ответил дьякон. — Старики священники говоривали, что там народится антихрист; существуют всякие истории...

— А! Какие же истории? — поспешил спросить мистер Рексолл.

— Я как раз хотел сказать, что все их перезабыл, — сказал дьякон и вскоре после этого рас прощался.

Оставшийся один хозяин был целиком в распоряжении мистера Рексолла, который не собирался щадить его.

— Герр Нильсен, — сказал он, — мне попало в руки кое-что о Черном Паломничестве. Не откажите рассказать, что вам известно. Что привез с собой граф по возвращении?

Может, шведы вообще не спешат с ответом, а может, это была отличительная черта трактирщика — не знаю. Только мистер Рексолл отмечает, что хозяин с минуту смотрел на него, прежде чем заговорил снова. Он приблизился к своему постояльцу и с видимым усилием сказал:

— Мистер Рексолл, я расскажу вам одну маленькую историю, но только одну, не больше, и ни о чем не расспрашивайте меня после. При жизни моего деда — это, значит, девяносто два года назад — некие два человека сказали: «Граф давно мертв, мы его не боимся. Сегодня ночью пойдем на охоту в его лес». Это та дубрава на холме, что видна за Робеком. А те, кто их слышал, сказали: «Не ходите. Там наверняка бродят люди, которым бродить не положено. Им положено лежать смирно, а не бродить». Но те двое рассмеялись. Лесничих там не было, потому что в тот лес никто не ходил. И здесь, в поместье, никого не было. Так что эта пара могла поступать, как ей заблагорассудится.

Ладно, той же ночью они ушли в лес. Мой дед сидел здесь, в этой комнате. Дело было летом, ночь стояла светлая; открыв окно, он видел лес и все слышал. И вот он сидел тут, и еще двое-трое с ним, и все слушали. Сначала они ничего не слышали. Потом слышат — а вы знаете, как это далеко, — слышат, кто-то завопил, да так, словно из него душу вырывали. Все, кто тут сидел, ухватились друг за друга и обмерли на три четверти часа. Потом еще слышат — сотнях в трех ярдов отсюда, — кто-то как захохочет! И это не из тех двоих, что ушли. Это вообще, говорят они, не человек хотят. А потом услышали, как захлопнулась огромная дверь.

Когда взошло солнце, они все пошли к священнику. И говорят ему: «Облачайтесь, отче, и идемте хоронить их, Андерса Бьерсена и Ханса Торбъерна».

Они, понимаете, были уверены, что те двое уже покойники. И пошли они все в лес. Дед, сколько жил, помнил про это. Говорил, что они сами были как покойники. И священник был белый от страха. Когда они пришли к нему, он сказал: «Я слышал, как ночью один кричал. Слышал, как потом другой смеялся. Не будет мне больше сна, если я этого не забуду».

Итак, они пошли в лес и нашли тех двоих на опушке. Ханс Торбъерн стоял спиной к дереву и все отмахивался руками, словно отталкивал что-то невидимое. Он, выходит, остался живой. Они увили его, поместили в лечебницу в Нючёпинге, и к зиме он помер, а руками так и махал все время. И Андерса Бьерсена они нашли. Но этот был мертвый. И вот что я вам

²⁴ Хоразин... место это было проклято. <...> ...сейчас городок лежит в руинах. — Хоразин — город в древней Палестине на берегу Галилейского озера, к северу от Капернаума; предположительно это нынешние развалины Керазе, по-видимому, погибшего в результате землетрясения в 400 г. В Новом Завете к этим городам обращено грозное предупреждение Христа: «Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида! ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они, сидя во вретище, покаялись; но и Тиру и Сидону отраднее будет на суде, нежели вам. И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься» (Лк., 10: 13–15;ср.: Мф., 11: 21–23).

скажу про него, про Андерса Бьернсена: он был красивым мужчиной, а тут у него и лица не осталось, одни голые кости торчали. Представляете? Мой дед забыть этого не мог. Они положили его на носилки, которые были с ними, накрыли голову холстиной, и священник пошел впереди. И по пути они все запели, как могли, заупокойную молитву. Только пропели первый стих, один из тех, что шли впереди, вдруг упал, остальные оглянулись и видят: холстина съехала и на них во все глаза смотрит Андерс Бьернсен. Этого они вынести не смогли. Священник закрыл ему лицо, послал за лопатой, и они тут же, на этом месте, его и зарыли.

На следующий день, пишет дальше мистер Рексолл, дьякон прислал за ним после завтрака, и его повели к церкви и к усыпальнице. Он отметил, что ключ от мавзолея висит на гвоздике сбоку от кафедры, и тогда же подумал, что раз церковь, похоже, не запирается, то ему не составит труда одному наведаться к статуям раз и другой, если он сразу же не удовлетворит свой интерес. Помещение, куда он вошел, оказалось внушительным. Памятники большей частью представляли собой крупные изваяния семнадцатого-восемнадцатого веков, напыщенно-величавые, обильно украшенные эпитафиями и гербами. В центре сводчатого зальца стояли три медных саркофага, покрытые тонкой резьбы орнаментом. На крышках двух из них лежали, как это принято в Дании и Швеции, большие металлические распятия. На третьем же, где, как выяснилось, покоился граф Магнус, вместо распятия была вырезана его фигура в полный рост, а вокруг саркофага несколько рядов того же богатого орнамента представляли разные сцены. Один барельеф изображал сражение: пушка изрыгала клубы дыма, высились крепости, шли отряды копейщиков²⁵. На другом была представлена казнь. На третьем через лес бежал во всю мочь человек с развевающимися волосами и распростертыми руками. За ним двигалась странная фигура; художник будто намеревался изобразить человека, но ему не хватило на это умения, а может, его намерением было показать именно такое чудовище – трудно сказать. Признавая мастерство, с каким была выполнена вся сцена, мистер Рексолл склонялся ко второму предположению. Эта малорослая фигура была укутана в плащ с капюшоном, волочившийся по земле. Трудно было назвать рукой то, что торчало из этого куля. Вспомнив по этому поводу морского дьявола, то бишь осьминога, мистер Рексолл продолжает: «Увидев это, я сказал себе: если здесь представлена некая аллегория – например, дьявол преследует обреченную душу, – то это может быть навеяно историей графа Магнуса и его таинственного спутника. Посмотрим, каким-то станет охотник: это, несомненно, будет демон, дующий в свой рог». Однако этой тревожащей воображение фигуры не обнаружилось, лишь на холме, опершись на трость, стоял человек, закутанный в плащ, и наблюдал за охотой с явным интересом, который резчик попытался передать соответствующей позой.

Мистер Рексолл отметил также отличной работы массивные висячие замки – всего их было три, – оберегавшие покой саркофага. Один, он видел, разомкнулся и лежал на полу. Стесняясь задерживать дьякона и жалея тратить попусту рабочее время, он поспешил в усадьбу.

«Любопытно отметить, – пишет он, – что, возвращаясь знакомой дорогой, настолько уходишь в свои мысли, что абсолютно не замечаешь ничего вокруг. Сегодня вечером, уже во второй раз, я совершенно не отдавал себе отчета в том, куда иду (у меня было намерение

25 На третьем же, где... покоился граф Магнус, вместо распятия была вырезана его фигура в полный рост, а вокруг саркофага несколько рядов того же богатого орнамента представляли разные сцены. Один барельеф изображал сражение: пушка изрыгала клубы дыма, высились крепости, шли отряды копейщиков. – Приведенное описание в точности соответствует внешнему виду гробницы Понтуса Делагарди, в 1585 г. утонувшего во время переправы через р. Нарву и погребенного в Домском соборе Таллина. На боковой стороне саркофага, созданного в 1589–1595 гг. известным ревельским скульптором и архитектором, выходцем из Нидерландов Арендом Пассером (1560?–1637), помещен барельеф с видом Нарвы во время штурма – первое известное изображение этого города. На саркофаге высечены пушки в клубах дыма, три укрепленные башни и отряды копейщиков, как и описано у Джеймса. Комментаторы предполагают, что автор рассказа мог видеть надгробие Понтуса Делагарди, считающееся шедевром ренессансной скульптуры в Эстонии, на фотоснимке.

одному зайти в гробницу и переписать эпитафии), и вдруг как бы пробудился и обнаружил, что снова стою перед воротами кладбища и, представьте себе, напеваю что-то вроде: „Вы не проснулись, граф Магнус?“, „Вы спите, граф Магнус“ – и уж не помню, что там еще. Похоже было, что этому нелепому времяпрепровождению я посвятил известное время».

Он нашел ключи от усыпальницы на месте, переписал многое из того, что хотел переписать, и, вообще говоря, работал, пока не стемнело.

«Я, должно быть, ошибся, – пишет он, – сказав, что разомкнулся один замок на саркофаге графа; вечером я увидел на полу два замка. Я поднял их и, не сумев закрепить, осторожно положил на подоконник. Оставшийся третий держался крепко, и, хотя, по всей видимости, это замок с пружиной, я не могу понять, как он открывается. Если бы мне удалось его отпереть, то, страшно сказать, я бы попытался открыть и саркофаг. Странно, как влечет меня к себе личность этого, боюсь, жестокого и мрачного дворянина».

Следующий день, как выяснилось, был последним днем пребывания Рексолла в Робеке. Он получил письма касательно своих капиталовложений, и выяснилось, что дела требуют его возвращения в Англию. Его работа с архивами практически завершилась, а путь предстоял долгий. Он решил нанести прощальные визиты, закончить свои записи и отправляться домой.

Визиты и завершение записей заняли больше времени, чем он предполагал. Гостеприимное семейство уговорило его отбедать с ними – они обедали в три часа, – и за железные ворота Робека мистер Рексолл вышел почти в половине седьмого. Сознавая, что в последний раз идет этой дорогой, он задумчиво шел берегом озера, стремясь сохранить в себе ощущение этого места и времени. Достигнув вершины кладбищенского холма, он долго стоял там, озирая бескрайнее море близких и дальних лесов, лежавших темной массой под бирюзовым небом. Когда он собрался уходить, ему неожиданно пришла мысль попрощаться и с графом Магнусом, и со всеми прочими Делагарди. Церковь находилась всего ярдах в двадцати, а где висит ключ от усыпальницы, ему было известно. Вскоре он стоял у большого медного надгробия, по обыкновению разговаривая с собою. «Может быть, в свое время вы были негодяем, Магнус, – говорил он, – но мне все равно хотелось бы вас увидеть или...»

«В этот самый миг, – пишет он, – я почувствовал удар по ноге. Я довольно проворно отдернул ее, и что-то со стуком упало на пол. Это разомкнулся на саркофаге последний, третий замок. Я нагнулся подобрать его, и – небеса свидетелем, что это истинная правда, – не успел я выпрямиться, как скрипнули металлические петли и я отчетливо увидел, что крышка поднимается. Может быть, я повел себя как трус, но я не смог оставаться там более ни секунды. Я был за порогом этого страшного сооружения быстрее, чем сейчас записал или выговорил эти слова. И что страшит меня более всего, я не сумел запереть за собой дверь. Записывая сейчас у себя в комнате случившееся (не прошло и двадцати минут), я задаюсь вопросом, продолжился ли потом этот скрип металлических петель, и не могу ответить на этот вопрос. Знаю только, что меня встревожило что-то еще, чего я здесь не записал. Но был то звук или я что видел – не могу вспомнить. Что же такое я сделал?»

Бедный мистер Рексолл! На следующий день он, как и планировал, отправился обратно в Англию и благополучно добрался туда, но добрался человеком сломленным, как я могу судить по отрывочным записям и изменившемуся почерку. В одной из маленьких записных книжек, доставшихся мне вместе с его бумагами, содержится если не ключ, то намек на то, что он пережил. Большую часть пути он плыл на небольшом суденышке, и я отметил, что не менее шести раз он пытался пересчитать и описать своих спутников. Записи были примерно такого рода:

24. Деревенский пастор из Сконе²⁶. Обычное черное пальто и мягкая черная шляпа.
25. Коммерсант из Стокгольма. Направляется в Трольхеттан²⁷. Черный плащ,

²⁶ Сконе – крайняя южная провинция Швеции.

коричневая шляпа.

26. Мужчина в длинном черном плаще, в широкополой шляпе, очень старомодный.

Последняя запись вычеркнута, и сбоку приписано: «Возможно, тот же, что № 13. Пока не видел его лица». Найдя номер тринадцатый, я увидел, что это католический священник в сутане.

Итог всегда был одинаков. Двадцать восемь человек, из них один мужчина в длинном черном плаще и широкополой шляпе, а другой – «коротышка в темном плаще с капюшоном».

С другой стороны, неизменно отмечалось, что к обеду выходят только двадцать шесть пассажиров, и мужчина в плаще, скорее всего, отсутствует, а коротышка отсутствует определенно.

В Англии мистер Рексолл, как выясняется, высадился в Харидже²⁸ и сразу же решил избавиться от одного или двух людей, в которых он, несомненно, видел своих преследователей, хотя и не распространялся на их счет. С этой целью, не доверяя железной дороге, он нанял крытый одноконный экипаж и отправился дальше в сельскую глушь, в деревню Белшем-Сент-Пол²⁹. Он добрался до места к десяти часам вечера. Августовская ночь была лунной. Он сидел впереди и смотрел в окно на пробегавшие мимо поля и рощи; ничего другого не было видно. И вот он подъехал к развилке дорог. Перед ним неподвижно стояли две фигуры, обе в темных плащах, на высоком была шляпа, на коротышке – капюшон. Он не успел разглядеть их лиц, и они даже не шелохнулись. Тем не менее лошадь дико прынула и сорвалась в галоп, а мистер Рексолл упал на подушки, близкий к отчаянию. Он уже видел их прежде.

В Белшем-Сент-Пол ему повезло, он нашел пристойно обставленную комнату и следующие двадцать четыре часа прожил сравнительно спокойно. В это время он сделал свои последние записи. Они слишком бессвязны, чтобы привести их здесь полностью, однако смысл их достаточно ясен. Мистер Рексолл ожидает прихода своих преследователей – каким образом и когда, ему неведомо, – и постоянно повторяет: «Что же я сделал?» и «Есть ли надежда?» Врачи, он уверен, признают его сумасшедшим, полицейские высмеют. Священника поблизости нет. Остается только запереть дверь и взвывать к Господу.

Еще в прошлом году жители Белшем-Сент-Пол вспоминали, как много лет назад августовским вечером к ним приехал странный господин, и как через сутки его нашли мертвым и было назначено следствие, и как присяжные, увидев тело, попадали в обморок, а было их семеро, но ни один потом не проговорился, что они увидели, и как вынесли приговор: «Кара Господня», и как владельцы того дома на той же неделе уехали в другие края. Они, я полагаю, так и не узнали, что на эту таинственную историю когда-нибудь может быть и будет пролит слабый свет. Так случилось, что в прошлом году их маленький дом перешел ко мне как часть наследства. Он пустовал с 1863 года, и не было никакой надежды его сдать; поэтому я пустил его на слом, а бумаги, из которых я тут сделал извлечения, были обнаружены в забытом шкафчике, под окном, в лучшей спальне.

27 Трольхеттан – город на юго-западе Швеции, в лёне Эльвеборг на р. Гёта-Эльв.

28 Харидж (Харвич) – портовый город в Северном Эссексе, на юго-восточном побережье Великобритании.

29 Белшем-Сент-Пол – деревня в Эссексе, в 8 км к западу от городка Садбери (Саффолк) и в 37 км к северо-востоку от Челмсфорда, административного центра графства Эссекс.